

О. М. Мельникова, Т. Н. Годяева

**ГЕНЕРАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ
ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ УДМУРТИИ***

В статье анализируются различные подходы к изучению научного исторического сообщества. Особый акцент сделан на познавательных возможностях генерационного подхода; предметом внимания является первое поколение историков в Удмуртии. Обозначаются его специфические характеристики.

Ключевые слова: научное историческое сообщество, генерационный подход, история Удмуртии, генерация историков, первое поколение историков в Удмуртии.

1920 – нач. 1930-х гг. – время радикальных изменений в российском государстве и обществе, События 1917 года и Гражданской войны привели к серьезной трансформации всех социальных институтов, в том числе исторической науки. Возникают новые социальные и идеологические ценности, возрастает социальная мобильность населения, осуществляются административное «перекраивание» сложившихся территорий и организационные преобразования в структуре научной деятельности, в частности в смене исследовательских подходов.

В конкретных регионах страны развитие исторических исследований приобретало свои особенности. Так, в пределах прежней Вятской губернии в 1920 г. с образованием Вотской автономной области начался активный процесс национально-государственного строительства. Одним из важных ресурсов политической власти стали исследования по истории Удмуртии, призванные содействовать зарождавшейся удмуртской нации в осознании себя как единого народа, имеющего богатую и древнюю историю. Решать эти задачи только силами «образованного общества» – людей, «имевших достаточный уровень образования, чтобы читать романы Карамзина или исторические романы, рассматривать исторические полотна, понимая смысл отображенных на них реалий

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-18005 «История и историки в Удмуртии в 1920 – начале 1930-х гг.: исследовательские практики и власть».

и событий, улавливать смысл исторических аллюзий в статьях публицистов» [19. С. 385], – было практически невозможно ввиду его малочисленности. Энтузиазма краеведов было недостаточно для регулярных исторических изысканий. Помочь в этом политической власти могли ученые (археологи, этнографы, историки).

В дореволюционной России институционально организованная наука, как правило, сосредоточена была в столицах и губернских городах: Перми, Вятке, Казани. На территории Удмуртии в уездном городе Сарапуле с 1909 г. функционировал земский музей, а в 1913 г. было создано Общество изучения Прикамского края [20], но в 1920-е гг. Сарапул входил в состав Уральской области. На территории же Вотской автономной области исследовательских институций не было, поэтому остро встал вопрос о подготовке кадров, в том числе педагогических и научных.

На этом фоне в Удмуртии формируется первое поколение историков, ставящих своей целью изучение истории удмуртского народа и региона в целом. Становление научного сообщества – важнейший этап развития науки в целом. Портрет научного сообщества конкретной эпохи приобретает особое значение для понимания направлений, содержания и результатов научных изысканий. Современное состояние исторической науки невозможно понять без исторической ретроспективы: какие социальные условия необходимы для зарождения и развития научного сообщества, кто, по каким причинам приходит к пониманию своего личного участия в проведении исторических исследований, какие общественно-политические факторы способствовали оформлению исторических изысканий в самостоятельную область региональных исследований? Эти и другие историко-научные вопросы пока в полной мере не получили освещения в региональной историографии. Эти вопросы схематично были описаны в сборнике «Историография истории Удмуртии» [6]. С разной степенью полноты историко-научные сюжеты отражены в трехтомной «Истории Удмуртии» [7], но темы, связанные с формированием национальной интеллигенции, уже имеют существенные заделы [34].

В последнее десятилетие пробелы в этой области отчасти компенсируются целенаправленным изучением становления в Удмуртии научного археологического [4] и этнографического сообщества [5]. Исследование же собственно исторического сообщества в узком смысле осуществляется нерегулярно: преимущественное в формате юбилейных [25] и реже – в мемуарных биографических изданиях [26].

Для современного развития науки актуален вопрос о выборе исследовательского подхода к изучению процесса становления профессионального исторического сообщества в Удмуртии в 1920-е гг.

«Антропологический поворот» в науке вт. пол. XX в. определил интерес не только к историческим сочинениям, но и к историку как человеку. Акцентируется внимание на повседневной жизни ученого, межличностных и корпоративных отношениях внутри научного сообщества, включая изучение разнообразных форм быта и социальных практик [16. С. 99–109]. В исследованиях анализируются уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов тех,

кто посвятил себя исторической науке. Такой ракурс позволяет увидеть, «как повседневная деятельность людей, в данном случае ученых, связана с их взглядами», а также каково «значение того, что они делают, в той культуре, которой они принадлежат» [9. С. 156–164].

Немало исследований сегодня посвящены определению содержания самого понятия «научное сообщество» [8. С. 78; 18. С. 8; 24. С. 206; 33. С. 241–248]. Чаще всего его обозначают как совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом деятельностью по производству, накоплению или использованию знания и поддерживающих устойчивые межличностные и межгрупповые отношения. В современной науке теоретические и практические аспекты содержания понятия «научное сообщество» активно изучает коллектив омских историков во главе с В. П. Корзун, поднимая разные аспекты бытия исторического сообщества [10. С. 75–94; 11. С. 97–100; 12. С. 304–308; 14. С. 339–341; 15. С. 24–44; 23].

Исследования Н. Н. Алеврас и Н. В. Гришиной сосредоточены на специфике научного исторического сообщества в переломные для России эпохи [1. С. 87–108]. Актуальность изучения процесса становления исторического сообщества и его функционирования отражена в продолжающемся издании «Мир историка», публикующем статьи, в которых реконструируется сложный, разнообразный, порой невидимый, пронизанный страстями и противоречиями, процесс исторического научного творчества [22].

Для исследования исторического сообщества в Удмуртии безусловно полезен опыт изучения регионального исторического сообщества в других регионах страны, особенно связанный с трансформациями в XX в. под воздействием социально-политических факторов. Это могут быть характеристики регионального научного сообщества (пример Ставрополя) [2]; или описание процесса институционализации научного сообщества в 1930-е гг. (Томск) [17]; или связь с трансформацией образа исторической науки позднего сталинизма [13]; или же заостренное внимание на препятствиях, создаваемых властью на пути развития коммуникационных практик между учеными [3].

Историю профессионализации исторической науки в Удмуртии как предмет изучения необходимо изначально исследовать в генетическом ключе, что позволит выявить всех субъектов исследовательской деятельности, проанализировать их действия в историческом движении, охарактеризовать личности ученых в их индивидуальности и неповторимости. Современная познавательная ситуация в историко-научных исследованиях позволяет сообщить этой работе новые ракурсы. Один из них – генерационный подход в изучении научного сообщества – представляется актуальным для изучения истории исторического сообщества в Удмуртии.

Теоретическое обоснование его познавательных возможностей и практического воплощения представлено в исследованиях Л. А. Сидоровой [28; 29; 30; 31; 32]. Сущность генерационного подхода заключается в исследовании роли и места одновременно работавших в науке больших групп историков разных поколений, составлявших в совокупности единое профессиональное сообщество и выяснении их влияния на развитие исторической науки данного периода.

Такой подход позволяет проследить зависимость профессиональной судьбы историков от условий, сформировавших их генерацию.

По мнению Л. А. Сидоровой, познавательные возможности генерационного подхода заключаются в концентрации внимания в трех направлениях:

1) на одновременно существовавших в исторической науке определенной эпохи методологических и концептуальных началах в их динамической взаимозависимости и взаимосвязи;

2) на процессе передачи историографической традиции от поколения к поколению;

3) на более полном изучении роли человеческого фактора в исторической науке [32. С. 461].

Основное понятие, несущее важнейшую познавательную нагрузку в рамках подхода, – «поколение («генерация») историков» – понимается как общность специалистов, примерно в одно и то же время начавших заниматься профессиональной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью [32. С. 461]. Самоидентификация и самоопределение историка в общественно-профессиональном мнении как представителя того или иного поколения – категория постоянная. Генерации историков легко вычленивается при некоторой условности возрастного фактора. Историографы постоянно пользуются ссылками на принадлежность историка или сообщества к определенному поколению.

Каждое поколение ученых формируется в определенной социокультурной среде с присущими ей особенностями. Личности ученых, составлявших поколение, складываются под воздействием господствующей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов современного им общества. Более того – резкие изменения в общественной сфере в значительной степени способствуют обособлению поколений, создавая между ними невидимые, но вполне ощутимые барьеры. При этом межгенерационные связи являются механизмом передачи историографических традиций.

Л. А. Сидорова выделяет три генерации (поколения) советских историков: первое – вошедшее в науку при императорской России и продолжавшее трудиться при Советах; второе – сформировавшееся в постреволюционную эпоху; послевоенное поколение историков [28. С. 69]. Автор выделяет критерии отличий между ними: общественное развитие, исследовательские подходы, взаимоотношения с политикой и идеологией, формы научной деятельности, стиль исследовательской работы и межличностного общения [31. С. 4–7].

Опыт применения генерационного подхода позволил А. А. Серых увязать понятие «поколение» с научной связью «учитель – ученик». Автор акцентирует внимание на особенности отношений между исследовательскими поколениями в России в первое тридцатилетие XX в., что проявлялось в административной политике университетов, формах межпоколенческих коммуникаций, личных особенностях историков [27. С. 278–291].

Как может быть выстроен генерационный анализ в исследовании первой плеяды историков Удмуртии? Во-первых, особо важным для исследования представляется роль факторов, повлиявших на профессиональный выбор ученого (среда воспитания, роль учителя, личностная ориентировка); во-вторых, научные

коммуникации, складывающиеся между учеными в процессе профессиональной деятельности; в-третьих, историческая обстановка, в условиях которой формируются взгляды ученого и интересующие его темы научных исследований. Благодаря этому открывается возможность выявить основные сущностные характеристики поколения историков, наличие признаков, которые объединяют разных ученых в единую генерацию.

В изучении первого поколения историков Удмуртии обращаем внимание на то, что оно по существу не имело местной предшествующей основы (за исключением деятелей, связанных с Сарапульским земским музеем в лице Ф. В. Стрельцова) [21]. Плеяду первых исследователей *историков (в широком смысле, включая археологию, этнографию, историю) Удмуртии* условно можно разделить по территориальному признаку: столичные профессиональные ученые-историки (П. Н. Луппов (в Вятке), М. Г. Худяков (в Казани и Ленинграде), В. П. Налимов, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов (в Москве)). Они внесли вклад в историю изучения региона и способствовали профессионализации местных краеведов-любителей и исследователей. Кроме того, выделяется группа исследователей, работавших непосредственно *в Удмуртии*, но в разное время получивших образование за пределами региона. Это К. П. Герд (Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН, Москва), Ф. В. Стрельцов (Московский Императорский университет), М. И. Ильин (Казанская учительская семинария), Я. И. Ильин (Вятский педагогический институт; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН в Москве).

На формирование первой плеяды историков в Удмуртии существенное влияние оказали вненаучные факторы, прежде всего общественно-политические. Древняя история региона рассматривалась властью как значимый ресурс для развития Вотской автономной области. Создание новых для региона учреждений (Академический центр, Научное общество по изучению Вотского края) должно было стать базой для формирования местной исследовательской традиции: исследователей истории края в тесном сотрудничестве со столичными учеными и с научными учреждениями.

Первых историков Удмуртии объединяла общая цель – изучение Удмуртии через историю удмуртского народа. Они работали в формате научных обществ Удмуртии при поддержке столичных ученых. В создании и развитии Общества «Бöляк» в Москве К. Герд пользовался поддержкой В. П. Налимова. В развитии исследовательской деятельности НОИВК в разное время участвовали П. Н. Луппов, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов. Ученые пересекались не только в общей работе в НОИВК. М. Ильин и К. Герд обрели профессиональный опыт этнографических экспедиций, работая в разное время директорами Ижевского музея местного края (ныне Национальный музей УР им. К. Герда).

Субкультура первых историков Удмуртии формировалась в весьма сложных условиях. На формирование личности исследователей серьезно влияли политические процессы в стране. Кризис самодержавия, революционные потрясения, формирование нового государства воздействовали на личностное развитие

ученых, а в некоторой степени определили и дальнейшую профессиональную деятельность.

Важным направлением коммуникационных связей исследователей было взаимовлияние ученых в предметных полях исследования. Так, М. Г. Худяков и К. Герд участвовали в деятельности Малмыжского исторического общества, и часть полевых материалов по воршудной системе удмуртов, собранных К. Гердом, была использована Михаилом Георгиевичем в исследованиях по истории Удмуртии. Ценные методологические замечания научным сотрудникам НОИВК делал П. Н. Луппов, будучи его почетным членом. Высокий профессионализм он проявлял и в работе со студентами в Вятке, чем запомнился Я. Ильину в период его обучения в Вятском пединституте.

Особенностью профессиональной деятельности местных исследователей Удмуртии было то, что научная работа не была основным родом их занятий: они трудились одновременно в нескольких местах, поскольку работа в научных обществах никак не оплачивалась и была исключительно личной инициативой каждого.

Область исторических исследований главным образом заключалась в предметной сфере археологии и этнографии и была направлена в первую очередь на создание этнической истории. Это объяснялось острой необходимостью развития национального самосознания удмуртов.

К сожалению, судьба большинства историков Удмуртии первого поколения сложилась трагически. Дело «СОФИН» (Союз освобождения финских народов), инспирированное в 1931 г., стало трагедией в жизни финских народов страны. С него началось свертывание и на долгие годы приостановилось изучение этнической истории. От репрессий пострадали М. Г. Худяков (расстрелян в 1936 г.), К. Герд (погиб в карельском лагере в 1937 г.), В. П. Налимов (скончался в следственном изоляторе в 1939 г.). Находившийся под следствием Ф. В. Стрельцов и Я. И. Ильин, отбывший тюремный срок, прекратили научно-исследовательскую краеведческую деятельность, касающуюся этнической истории удмуртского народа. Репрессии нанесли тяжкую социальную травму оставшимся в живых [21] и непоправимый урон в формировании научного исторического сообщества в регионе.

Но вопреки трагичности судьбы первой генерации историков Удмуртии, им принадлежит неопределимый вклад в дальнейшее развитие науки в Удмуртии. В 1931 г. были созданы Удмуртский научно-исследовательский институт, первым директором которого был Я. И. Ильин, и Удмуртский государственный педагогический институт, начавший готовить кадры историков для системы образования. Региональная история в Удмуртии получила институциональное оформление, правда, тематически она в значительной степени реализовывалась в формате истории партии.

Но главное, что она унаследовала от первого поколения историков Удмуртии, – это не только богатый источниковый материал, собранный в экспедициях, проведенных первой плеядой историков-исследователей, но и понимание этнической истории как значимой предметной области региональных исторических исследований. Археология и этнография, несмотря на исторические разрывы в несколько десятилетий, стали одними из основных направлений в исследовательской деятельности последующих поколений историков в Удмуртии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алеврас Н. Н.* Историк на перепутье: научное сообщество в «смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/1. С. 87–108.
2. *Андреева Н. А.* Ставропольское региональное научное сообщество в условиях социально-политических трансформаций XX века // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 64. С. 171–177.
3. *Баранец Н. Г.* Значение власти для выработки норм в научном сообществе // Власть. 2011. № 7. С. 55–57.
4. *Голдина Р. Д., Мельникова О. М.* Введение. Источники и история изучения древней и средневековой истории Удмуртии // История Удмуртии: с древнейших времен до XV века / Под ред. М. Г. Ивановой; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2007. С.8–49
5. *Загребин А. Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. Вып. 12. С. 398–402.
6. *Загребин А. Е., Мельникова О. М.* Конструирование национальной истории Удмуртии от устной исторической прозы к письменной истории (1920-е – начало 1930-х гг.) // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 165–180.
7. История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. 544 с.
8. *Каменский Е. Г.* Научное сообщество как субъект инновационных изменений // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2. С. 78–83.
9. *Колесникова М. Е.* Биография ученого в проблемном поле истории историографии // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 156–164.
10. *Корзун В. П.* Социальный заказ и историческая память (научное общество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 75–94.
11. *Корзун В. П.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Исторический ежегодник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 97–100.
12. *Корзун В. П.* В поисках новой истории науки: гипотезы и опыты омских историографов // Вестник Омского университета. 2010. Вып. 4. С. 304–308.
13. *Корзун В. П.* Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 59–85.
14. *Корзун В. П.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. Вып. 4. С. 339–341.
15. *Корзун В. П.* Коммуникативное поле современной исторической науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24–44.
16. *Корзун В. П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта). Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 2012. С. 99–109.
17. *Костерев А. Г.* Томское научно-педагогическое сообщество в 1930-е гг.: социально-политическая эволюция // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 353. С. 85–89.
18. *Ладыжец Н. С.* «Сообщество» и «научное сообщество»: тенденции концептуальных изменений // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 2. С. 3–8.
19. *Леонтьева О. Б.* Теоретические и методологические аспекты изучения исторической памяти (ответ на рецензию О. В. Морозова) // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 384–389.

20. Мельникова О. М. Археологические исследования Л. А. Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2004. № 3. С. 145–150.

21. Мельникова О. М. Концепция «социальной травмы» в биографическом преломлении // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения А. С. Шофмана. Казань, 13–15 ноября 2013. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 348–351.

22. Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005–2013.

23. Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 494 с.

24. Мяжков Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 206–210.

25. Педагог, ученый, гражданин: к 80-летию со дня рождения А. А. Тронина / Отв. ред. Т. Н. Ефремова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 240 с.

26. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / Сост. Б. П. Сысоева / Общ. ред. Н. Г. Шишкиной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 418 с.

27. Серых А. А. «Связь / разрыв» поколений в сообществе российских историков конца XIX – первой трети XX веков // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 278–291.

28. Сидорова Л. А. Генерации историков как историографическая проблема // Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр). XX в.: матер. конф. Омск, 2000. С. 69–72.

29. Сидорова Л. А. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX в. М.: Институт российской истории, 2002. С. 38–54.

30. Сидорова Л. А. Проблема смены поколений в исторической науке. Первое поколение российских историков и их характеристика // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 343–360.

31. Сидорова Л. А. Генерационный подход в изучении истории исторической науки // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Нижний Новгород, 2008. С. 4–7.

32. Сидорова Л. А. Когнитивные возможности генерационного подхода в изучении истории исторической науки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2012. С. 460–462.

33. Тихонов В. В. Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: новые подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого: материалы Всерос. науч. конф., 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 241–248.

34. Шкляева Л. Ф. Формирование советской интеллигенции в Удмуртии. 1917–1927. Ижевск, 1991. 128 с.

Поступила в редакцию 5.11.2014

O. M. Melnikova, T. N. Godyaeva

**The Generational Approach in Studying
the First Generation of Historians of Udmurtia**

The article discusses research approaches in studying scientific historical society. Particular emphasis is placed on the cognitive capabilities of the generational approach in studying the first generation of historians in Udmurtia. Its specific characteristics are indicated.

Keywords: scientific historical society, the generational approach, the history of Udmurtia, generation of historians, the first generation of historians in Udmurtia.

Мельникова Ольга Михайловна,

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Годяева Татьяна Николаевна,

магистрант,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: TanzilaSem@yandex.ru

Melnikova Olga Mikhaylovna,

Doctor of Sciences (History), Professor,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: superlvovich2012@yandex.ru

Godyaeva Tatyana Nikolaevna,

postgraduate,

The Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: TanzilaSem@yandex.ru